

М . М . КИРИЛЛОВ

Перерождение

(История болезни)

КНИГА ВТОРАЯ

1993 – 1995 гг.

Перерождение

Михаил Кириллов

**Перерождение (история болезни).
Книга вторая. 1993–1995 гг.**

«Нордмедиздат»

2014

Кириллов М. М.

Перерождение (история болезни). Книга вторая. 1993–1995 гг. / М. М. Кириллов — «Нордмедиздат», 2014 — (Перерождение)

В книгах последовательно анализируются причины и последствия перерождения и вырождения советского общества, советской интеллигенции, общественно-политических партий и их лидеров в рыночных условиях жизни страны после буржуазной контрреволюции 1991–1993 гг.

Рассматриваются возможности, просчеты и задачи коммунистического и рабочего движения. Книги написаны в жанре художественно-политической публицистики. Ее автор последовательно выступает как коммунист-интернационалист. Приведенные материалы сохраняют подлинность текста своего времени. Книги рассчитаны на широкий круг читателей, на аналитиков и историков общественно-политических движений в стране, прежде всего, рабочего движения, на трудящихся, обладающих опытом борьбы за свое освобождение и приобретающих такой опыт. Автор – Кириллов Михаил Михайлович – профессор Саратовского военно-медицинского института, академик, Заслуженный врач России, писатель

© Кириллов М. М., 2014

© Нордмедиздат, 2014

Содержание

Период осложнений	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

М.М. Кириллов
Перерождение (история болезни).
Книга вторая. 1993–1995 гг

© Кириллов Михаил Михайлович, 2014 г.

Период осложнений 1993 г

1993 г., январь. Новый год запомнился мало. Но иллюзий не было. Все эти последние недели много сил отнимает клиника, кафедра, люди. Тороплю диссертантов, так как предвижу, что в дальнейшем работать станет не на чем, а может быть, и некому.

Только что на «Радио России» звучала мелодия «Фронтовики, наденьте ордена». Это в заключение передачи о блокаде Ленинграда. Горький парадокс – город-герой изменил свое имя... Факты из истории блокады потрясают и будут потрясать сердца людей, хотя звучать в эфире будут все реже. Недаром г-н Собчак рекомендовал ленинградцам пореже смотреть в прошлое. Врач-блокадница ответила ведущей: «Тогда было ясно, где враг, и мы должны были, помогая друг другу, его одолеть». Вопрос к редакции передачи: «А что вы посоветовали бы сейчас людям? Разрушена страна, люди теряют работу, дети голодают (пятиклассники в школьном буфете из «отходов» хватают куски хлеба). Может быть, редакция даст честный ответ? Или вы тоже боитесь потерять работу?»

26 января. Мне – 60 лет. Многовато, однако. Отметили очень тепло.

Февраль. Москва. Госпиталь им. Бурденко. По длинному коридору отделения тихо, как тень, ходит истощенный, кожа да кости, больной в длинном сером халате. Ноги худые, как ножки стула. Это один из матросов, доставленных с острова Русского. Один из выживших после голода. А ведь были и умершие. История эта прокатилась по России, ударив по материнским сердцам. До чего дожил Военно-морской флот! Это раньше бывало – в период блокады Ленинграда, в Афганистане, но то была война... Решил, что надо читать лекцию слушателям и интернам на тему: «Алиментарная дистрофия». Это очень современно, а главное – правда.

* * *

Февраль. Занесенные снегом пустующие заводы. Пустые проходные. Жалкие попытки инвестиций из-за рубежа. Рабочие сами пытаются продать заводскую продукцию, ходят по подъездам, по больницам (холодильники, морозильники, хрусталь, врачебные халаты, книги...). Выручка – в счет зарплаты. Берут мало – ни у кого нет денег. Из «нашего», ставшего ничейным, все разворовывается. Родились новые рынки. Продавцов в 5 – 10 раз больше, чем реальных покупателей. Зато выбор какой! Богатенькие (их почему-то в народе называют «крутые», «гоблины») на иномарках разъезжают, бритые, сытые, обрюзгшие, наглые. Разборки – то там, то здесь, в том числе с применением оружия. Такие мелькают и во власти. Тут одного буквально изрешетили, так в клинике его немедленно навестил высокий городской чиновник.

* * *

В середине февраля по решению Конституционного суда была восстановлена легальная деятельность КПРФ.

* * *

Март. Дом у нас четырехподъездный, 240 почтовых ящиков, а подписчиков от силы 10–15. Люди перестали читать прессу. Даже письма – редкость. Почтовые отделения закрывают –

нет работы. Только за пенсиями очередь. Происходит реальное разобщение людей. Тем более, что железнодорожные билеты резко подорожали, а об авиационных и говорить не приходится.

* * *

Апрель. Очередная поездка по научным делам в Москву, то дает возможность окунуться в здешний мир. И в Москве плохо. И здесь сокращается производство. Город все больше живет за счет оптовой торговли, концентрируя гиреимущества столицы. Приватизация охватывает жилой фонд, но никто не уверен в правильности такого выбора.

Экраны телевидения заполняют одни и те же лица. Идет откровенное глумление над историей советского периода. Презентации, околоправительственные кормушки заполняет масса исписавшихся, отыгравшихся, бывших поэтов, писателей, артистов, вместе с творчеством утративших достоинство. Их много. Оголодали. И здесь тот же мотив: «надоело нищенствовать». Себя спасают, театры спасают. Но есть и сытые враги. Злобы и у тех и у других много. А ведь все, что было сделано ими, было сделано при Советской власти, а за эти последние годы – ничего. Но и в этом мире, так же, как и везде, честных людей много больше, их просто не показывают. И начинает казаться, что их нет вовсе.

Мавзолей Ленина. Все, как прежде. Цепочка людей от Александровского сада вливается на Красную площадь и исчезает в черном гранитном проеме. Внимательное наблюдение милиционеров. Шепот матерей, объясняющих детям значимость момента. Знакомые черты вождя и человека. Первый раз я был здесь еще до войны, первоклассником. И позже – много раз. И вновь – чувство благодарности, тревога, боль, как за родного человека, которому не знаешь, как помочь. У Кремлевской стены и в самой стене покоится прах революционеров... В последнее время на площади все чаще буйство шоу, иностранцев, а за высокой стеной – буйство президента, избранного «всенародно».

У вокзалов, у входа в станции метро, среди скопища ларьков массовая продажа сексуальной печатной продукции. Это становится нормой жизни.

Проводится референдум. Вытеснение власти народа с помощью самого же народа. Игры вместо демократии.

Близится Первомай.

* * *

1 – 8 мая 1993 г. 1 мая в Москве режим показал свои волчьи зубы. Как и все, я был потрясен зрелищем блокады и разгона демонстрации.

Людей заперли. Как зверей, загнали в тупик, в клетку 300 на 300 метров, с трех сторон окруженную охранниками. У людей не оставалось никакой возможности осуществить свое право на свободное шествие, кроме как силой проложить себе дорогу, ибо и этот, оставшийся, путь перегородили жандармы. Вспоминаются слова из известной революционной песни: «К царству свободы дорогу грудью проложим себе». Альтернатива – жизнь в капиталистическом стойле – людей не удовлетворяет. То, что все видели по СМИ, в точности повторяет разгон демонстрации рабочих в Нижнем Новгороде в 1902 г. (М. Горький, «Мать»).

«Зачем брали с собой детей?!» «Они шли на праздничную демонстрацию». «Но ведь вокруг все было так страшно?!» «Они встречали Первомай, как их деды и отцы...» «Да, но дети!» «Они не знали, что для Лужкова и жандармов их дети – дети бандитов».

Власть создала объективные условия неотвратимости побоища. Именно она, предложившая людям встать на колени, – первый и главный преступник. Советские люди в очередях настоялись, но не на коленях же. Расчет был точным. Он был нужен тем, кому снится само-

державие. Теперь будут строить тюрьмы, чтобы упрятать подалеже протест «уголовников» и позволить наконец свободно грабить страну.

Лавочники, казаки, жандармы и... интеллигенция, ударившаяся в бизнес, – опора режима. После нынешнего Первоя он будет существовать в глазах честных людей только как режим. Режимной становится и армия, откармливаемая за счет народа. Армия, в которую и за деньги никого загнать нельзя, разве что безработных.

Процесс вырождения бывших якобы коммунистов, позже якобы демократов в палачей исторически неизбежен. Это обычная эволюция представителей мелкобуржуазной среды. Но и протест неизбежен. Глумление над людьми труда восстановит в них память о средствах борьбы пролетариата за свое освобождение.

Случившееся осложнит работу Верховного Совета и съезда, расслоит депутатов. Невозможно будет пробиться через «электронный ОМОН». Правду исказят до неузнаваемости. Односторонность оценки неизбежна и непробиваема. Событие на пл. Гагарина осложнит деятельность поднимающегося коммунистического движения. Вместе с тем оно, несомненно, подтолкнет к единству пока еще разрозненные, организационно и политически слабые партии.

Только подавлением людей (на большее он не способен) Режиму не решить их насущных проблем. Сознание собственности будет во все большей степени будить в нем инстинкт самосохранения и укреплять жандармскую оболочку. И блокада демонстрации – проявление слабости «всенародно» избранной власти. Среди искалеченных были рабочие, ветераны, инженеры, студенты. Но среди них не было лавочников, предпринимателей, казаков. Социальный диагноз безупречен.

Решающей будет не столько активность политических организаций, сколько эффективность экономического развития страны в ближайшие полгода. Ухудшение жизни людей усилит протест, и он потребует политического оформления.

Как-то пройдет празднование Дня Победы? Власти поняли: повторение побоища невозможно. Ими решено: от Белорусского вокзала до Манежной площади препятствий демонстрации чинить не будут. Но независимо от этого люди вновь возьмут на свой праздник детей, люди останутся людьми, но с ними не будет Ельцина. Дороги разошлись.

Я, конечно, против жертв и травм. И будущих – тоже, потому что в любом случае страдает народ. Но, к великому сожалению, ничего не поделаешь: с волками жить – по-волчьи выть.

9 мая. В Саратове прошел многотысячный митинг. Нормально получилось и в Москве: прошли москвичи через Красную площадь, и ОМОН оказался ненужным. Насилие идет от власти. Ненависть ко всему советскому идет от власти.

А как было раньше? Я помню празднование Дня Победы в 1945 г. в Москве. Утром я был на Красной площади в вестибюле здания Бронетанкового управления, выходявшего дверями к храму Василия Блаженного. Там работал в то время мой отец. По ступенькам лестницы в вестибюль, а затем на тротуар сбежал молодой капитан, весь в ремнях. Оглянулся, схватил в охапку случайно проходившую мимо девушку в крепдешиновом платье, целует ее и кричит: «Победа! Победа!» Видимо, только узнал об этом.

А вечером мы с отцом поехали на салют, но пробиться смогли только до середины моста, спускавшегося к Кремлю. Народ стоял плотно. Я сидел у отца на закорках и хорошо видел, как лучи прожекторов скользят по людскому морю, по кремлевским башням, как ухают пушки и в небе рассыпаются разноцветные огни. Люди пели, смеялись, плакали, искали друг друга. Это было сумасшествие радости. Победа! Не было, наверное, ни одного человека, который бы не был счастлив. Могла ли тогда кому-нибудь прийти в голову мысль, что эта площадь и Москва станут местом для шоу, для иностранцев, для жандармов и преступников, местом расчленения народа!

10 мая с этими воспоминаниями и комментариями к ним выступил на утренней конференции в клинике перед тремя десятками врачей и 70 слушателями. Пусть помнят.

* * *

15 мая. Возвращались с огородов (сажали картошку). Офицеры, жены, дети – полный автобус. Спрашиваю одного из факультетских молодых докторов наук, в прошлом члена парткома: «На чью бы сторону вы встали? На сторону демонстрантов-москвичей, несших на ручках детей и защищавшихся от жандармов, или на сторону жандармов?» Этот интеллигент, пишущий об этике, быстро ответил, по-видимому, как им давно решенное: «На сторону охраны порядка». Откуда только они берутся, эти вчерашние члены парткомов.

Июнь. Конец учебного года. Экзамены. Позади год тяжелого труда: ежедневно по 250 больных, напряженная научная и педагогическая работа. 12 преподавателей кафедры трудятся самоотверженно. Это сохраняет давно сложившийся стереотип отношений даже при неодинаковых взглядах. Будни в клинике – обычные советские будни. И главное – здесь, как и прежде, интересы больного человека. Особенно важно – сохранение коллективизма. Все это – тоже фронт.

* * *

Июль. 50 лет тому назад я со своими маленькими друзьями с чердака нашего барака на Красноказарменной улице в Лефортове восхищенно наблюдал салют – в честь освобождения Орла и Белгорода. То был первый салют в годы войны. Необычный: вечернее небо (а Москва тогда была низкой и из Лефортова хорошо были видны башни Курского вокзала) пересекали разноцветные дорожки трассирующих пуль.

* * *

Конец июня. В Саратове проходит Ассамблея молодых. В рамках программы «Здоровье населения России» по инициативе и под руководством академика А. Г. Чучалина в ней участвуют и поэты, и спортсмены, и военные, и иностранцы. Поговорили с журналистом газеты «Саратов». Слово за слово – получилось интервью. В гостиной оперного театра состоялась презентация Ассамблеи (спонсор – немецкая фирма). Ассамблея удалась, но в разговоре с журналистом я отвел душу, посетовав на то, как плохо живет народ. На следующий день в этой газете появилась полоса с названием «Пир во время чумы», набранная жирным шрифтом. В ней о точности воспроизводились мои слова о безликих старухах, стоящих в очередях, о голодных обмороках у студентов и школьников, о том, что проведение научного форума в этих условиях, хоть и акт профессионального и гражданского мужества академика Чучалина, все же напоминает строительство «сингапурчика» посреди огромного нищего «Шанхая», которым представляется сейчас Саратов.

Я узнал о публикации и прочел ее не первым, оттого не мог понять появившегося у некоторых интереса ко мне. А проректор сказала: «Где это вы видели, чтобы студенты падали в обморок с голоду?» И это звучало как замечание. «Достаточно быть полезным соседям по подъезду», – изложила она свою программу помощи бедным. Она не исключение. Многие все еще в упор не видят голодных, а главное – причин этого. Или, скорее, не хотят видеть: трудно было бы жить, считая себя честным человеком.

* * *

Июль. Высокая витрина ларька у дороги. Перед ним в пыли нищенка. Почему я не художник?! Это же гимн новому времени!

* * *

Август. Встретил у дома бывшую коллегу по больнице – отличного врача-рентгенолога. С год назад она уехала в Израиль с уже взрослыми детьми, а сейчас вернулась с каким-то делом. Приятно было повидаться. Разные они. Не все едут со злым сердцем на Россию, хотя есть и такие. Многим уезжать очень больно – гонят старость, одиночество, неуверенность в завтрашнем дне, беззащитность. О них, как правило, потом уже ничего не знаешь, словно бы они умерли. Но много ли мы знаем о тех, кто не уехал и не умер?

* * *

21 сентября. Указ Ельцина о роспуске Верховного Совета. Верховный Совет в ответ квалифицирует этот указ как акт государственного переворота и назначает Руцкого и. о. президента. Конституционный суд подтверждает конституционность решений Верховного Совета. Решено созвать Съезд народных депутатов – высший орган законодательной власти в стране. Регионы в большинстве своем заявляют о поддержке Верховного Совета и о необходимости защитить Конституцию. Идут обращения к армии, сообщается о поддержке армией законной власти. Политическая жизнь в стране резко накаляется.

23 сентября 1993 г. я в Москве, проездом в Ленинград. В моем распоряжении 8 часов. Спустился по ул. Горького к Музею Ленина. Картина необычная: газет нет, люди не собираются как обычно. Зная о событиях, связанных с Белым домом и ожидаемым Съездом Советов в связи с его роспуском по указу Ельцина, поехал туда на метро – до «Баррикадной». Съезд должен был начать свою работу только сегодня, так как депутаты с трудом добирались в Москву, многим в аэропортах и на железнодорожных станциях ставились рогатки, информация о событиях в Белом доме глушилась. Тем не менее, последние дни во дворе Дома съездов постоянно шли митинги. Ситуация нагнеталась и оставалась неясной.

От метро «Баррикадная» люди рекой тянутся вниз к Белому дому. Словно магнит тянет: именно здесь решается судьба Родины. На заборах – прокламации, лозунги, решения общественных комитетов, гневные стихи, карикатуры на президента, Гайдара и прочих. Проходим раздают листовки.

Вот одна из них: «Руководители ряда предприятий заняли выжидательную позицию, что затрудняет выполнение решений Верховного Совета РФ и исполняющего обязанности Президента А. Руцкого. Подобное поведение в условиях произведенного Ельциным государственного переворота и поддержки позиций ВС РФ и и. о. Президента регионами России заставляет напомнить руководителям... о личной ответственности каждого перед Родиной и Законом... Общественный комитет защиты Конституции и конституционного строя России. 23 сентября 1993 г.».

На пути – баррикада: ящики, бочки, камни, арматура. Что-то вроде шлагбаума. Над ним реет красный флаг. Строгий седой рабочий с красной повязкой на руке. За 100 м до шлагбаума «газики» с тесно сидящими внутри милиционерами: греются.

Во дворе у Белого дома – до 3–4 тысяч человек. Основная группа – до 1,5 тысячи – в центре – у микрофонов, слушают ораторов. Кто-то (его плохо видно) убежденно говорит в

защиту Советской власти. «Кто такой?» Моему вопросу удивляются и подозрительно осматривают меня. «Виктор Иванович!» – отвечают уважительно и укоризненно. Я вновь спрашиваю: «Кто это?» «Анпилов!» – отвечают мне, как малому дитяти. Народ вокруг стоит плотно, больше – пожилой, бедно одетый. Но лица светлые. Продвинулся поближе: действительно, Анпилов. Лицо простое, лицо рабочего от станка, говорит просто, ясно, как бы беседуя.

Кое-что запомнилось: «Третий день и третью ночь выступаю, извините, охрип. Поспать бы – да не до того. Сами видите, работу парламента тормозят, заблокировали печать, радио, телевидение. Люди в стране не знают правду. Поэтому из квартиры в квартиру, от семьи к семье несите правду о нашем сопротивлении ненавистной президентской власти, о том, что мы требуем свободу информации, что мы не хотим пролития крови, но если нас вынудят, мы готовы пролить ее за народ. Нам прислали приветствия коммунистические партии Европы и Америки (зачитывает). О прокламациях. Я тут ночью написал две (зачитывает). Заканчиваются они словами «наше дело правое, мы победим!» «Как, пойдет?» – спрашивает. Толпа отвечает: «Да!» Ну, раз так, отдаю печатать. Привезли 100 тысяч листовок. Вот женщина (помогает ей подняться на возвышение). Она вчера у метро раздавала их. Ее отвезли в участок». Женщина говорит: «Не бойтесь, товарищи, раздавайте их людям, но лучше ходите по двое и желательно, с мужчинами». Анпилов: «О нас не знают, передавайте о необходимости реальных действий по защите Советской власти знакомым – по телефонам, на заводах. Мы боремся!» Женщина попросила заводских получить пачки листовок, но строго по спискам, по организациям, так как много провокаторов.

Тут принесли какой-то большой ящик. Анпилов поднялся на него и наконец-то стал хорошо виден. Пошутил: «Ну вот, плаху принесли. Умереть на плахе за народ считаю святым делом. Но прежде мы их уничтожим!» (Аплодисменты.) Прост он, одержим, много экспромта, добродушен, прям, что-то цельное и очень близкое и понятное. Напомнил своей непосредственностью и убежденностью С. М. Кирова.

Продолжил: «Я смотрю, здесь много пожилых. Спасибо вам, отцы и матери, что пришли. О большем вас просить я не могу, так как знаю, что у вас, у многих, сердчишко слабое. А кто помоложе и чувствует свою силу, кто может стоять в строю, – записывайтесь в народное ополчение», – и указал в сторону парня в белой спортивной шапочке. Народ потянулся к тому.

Я обошел площадь. В перерыве по мощному микрофону транслировали советские песни («Три танкиста, «Катюша», «Москва майская»...). И неслись звуки этих песен над Москвой-рекой, утыкаясь в стены американского посольства. Недалеко человек 20, собравшись в кружок, молились. Молодой еще священник читал им что-то из Библии. За что молятся? За благополучие бедных и за мир...

Подполковник в десантной куртке с автоматом за плечами. Строгий. Неафишируемое руководство охраной Белого дома. Фотокорреспондентов иностранных, обвешанных аппаратурой, попросил разойтись, и те тотчас выполнили его распоряжение.

Во дворе показались депутаты Саенко, Бабурин. Прошествовал во фраке вальяжный здоровенный Уражцев. Страстно выступал от РКРП худощавый седой поэт (позже я узнал, что это Борис Гунько). Четко выраженная классовая позиция, воля и страсть. «Компрадорская прозападная буржуазия открыто продает страну, местная – помельче – еще ненасытившаяся и недовольная правительством, – наш так называемый союзник (ни одного на площади!)».

Впереди меня, юркая среди турникетов, семенит маленькая сухонькая старушка и быстро-быстро повторяет: «Кворум есть, кворум есть, кворум есть...». Очень похоже на «цып, цып, цып...». Это она сообщает, что вот-вот откроется съезд народных депутатов.

У выхода со двора тумба с плакатами общества «Память». Рядом 2–3 парня расположились на бугре с закуской и водкой. Других пьяных я не видел.

Наискосок четверо мужиков тащат сколоченную из досок установку для оборудования транслятора. С удивлением узнаю в одном из них... Анпилова. Какая незащищенность и неорганизованность! Больше никого не нашлось! Это о многом говорит.

Когда уходил, в душе шевельнулось чувство: «Пришел на похороны еще живой Советской власти, проститься с товарищами». Пока медленно поднимался к метро, вдогонку неслись звуки любимых советских песен. А народ шел мне навстречу, к Белому дому, все плотнее и плотнее.

1 октября. Рязань. Пикеты у КПП парашютно-десантного полка, в котором когда-то я служил, с требованием не допустить отправки десантников в Москву для разгона Съезда народных депутатов. К пикетчикам вышел командир полка, молодой полковник, и заверил, что войска не будут использованы для подавления собственного народа (избежать этого не удалось).

* * *

2 октября 1993 г. Следим за развитием событий по телевидению. Информировать скупой и тенденциозно, исключительно в интересах власти. Накал противостояния нарастает. Конституционный суд (Зорькин) поддерживает законные действия съезда. Президентом объявлен Руцкой. Церковь, боясь поскользнуться на крови, ведет тяжкие переговоры с обеими сторонами и, похоже, тянет время, ожидая, что пар выйдет сам собой. Алексей даже заболел, видимо, от предстоящей скорби. Как они далеки от святых, как суетны и зависимы от власти.

«Мечутся властные кони...». Власть шатается. Генералы колеблются. Но и те, кто в Белом доме возглавляет оппозицию, не имеют абсолютного авторитета. Руководство КПРФ, как когда-то в августе 1991 г. ЦК КПСС, – в стороне, вне борьбы. И это не проявление мудрости, а генетически детерминированный паралич революционного действия. А это таит опасность авантюризма и спровоцированного неподготовленного выступления. Интеллигенция визжит от страха: «Да задавите вы эту гадину!» (Имеются в виду советские люди.)

Вместе с тем к Белому дому тянутся сотни людей, готовые его защищать. Москвичи и из Подмосковья. Везут продовольствие на случай осады.

Дожди. Холодно. Парламентарии и защитники Белого дома мерзнут. Отключены связь, свет, тепло, канализация. Парламент оцеплен. Но через кордоны, дворами люди просачиваются. Пробираются в Белый дом с продуктами и оба моих брата из Рязани – Володя и Саша.

Противостояние, похоже, доходит до кульминации. На 3 октября назначено Московское Вече. Тысячи листовок ходят по Москве. Вот одна из них: «3 октября. Московское Вече. Да – СССР! Нет – войне. Долой Беловежский сговор! К суду президентов, поправших волю народа! За решетку предателей и спекулянтов! Нет реформам ЦРУ! Власть – трудящимся! Сбор участников Московского Вече 3 октября в 14.00 на Октябрьской площади. «Трудовая Россия».

* * *

3 октября. Судя по телевизионным картинкам, наши прорвались и пошли по Садовому кольцу, разогнали милицию. Оцепление вокруг Белого дома неожиданно сняли. Что это, уловка? Массы людей прорвались к парламенту. Практически без сопротивления взяли мэрию. Всеобщее ликование. Опьянение свободой и, вместе с тем, отсутствие серьезной поддержки войск в округах и в Москве. Более того, слухи о вводе элитных частей в Москву. На местах – в основном проявления поддержки Советской власти. Поток телеграмм. Слова, слова... Телевидение показывает возбужденные лица Хасбулатова, Руцкого, Макашова, Анпилова. Макашов говорит на родном матерно-армейском языке: «Долой всех мэров, пэров, сэров и прочих херов!» Возражений это не вызывает.

А в Саратове тепло и тихо. Областной Совет за конституционное решение, но против каких-либо действий. И это, по-видимому, типично для всей страны. В военных училищах введены дополнительные дежурства и патрули. Но основная масса людей безлика и безразлична: квасят капусту и солят огурцы. Это очень характерно для саратовцев в период революций...

* * *

3 – 4 октября. Поход на Останкино с целью вырвать у власти возможность гласности для восставших. В ответ – расстрел безоружных на дорожках останкинского парка. И почти одновременно – новое оцепление Белого дома и его осада. На телеэкране кадры расстрела тех, кто стремился уйти. Расстрел сотен людей на соседнем стадионе. Расстрел из танковых орудий парламента. Превращение Белого дома в черный. Гнусные картины массового любопытства московских обывателей, с интересом наблюдавших работу карателей. Лучше меня знают об этом оба моих брата, участвовавших в осаде Останкино, бывших в Белом доме 3 и 4 октября, спавших там на холодном полу и чудом ранним утром 4-го, до расстрела из танков, ушедших оттуда...

По словам братьев, когда из окон Телецентра стали стрелять, сотни безоружных людей бросились к выходу, к заборам. Огонь заставил их ползти по дорожкам парка, прикрываясь невысокими бордюрами, стволами деревьев, тумбами. В темноте пули выбивали искры из асфальта. Ползли и мои братья. Ожидавшаяся помощь из Белого дома оказалась запоздалой и неэффективной. Многие не выдерживали, вскакивали и бежали к выходу. Раненые оказывались без помощи: оказывать ее было и нечем и некому. Поздним вечером порознь Володя и Саша вернулись в Белый дом.

«След кровавый стелется по сырой траве...». Убийц со временем будут судить.

5 октября. Один из братьев по прибытии из Москвы слег с пневмонией (простудился в холодном Белом доме), другой – схватил выговор за прогул.

Ликование на крови. Преследование членов Конституционного суда. Расправа над депутатами под улюлюканье обывателей. Арестованных сажают в «Лефортово». Поиски Анпилова, Константинова, Уражцева и других. Большие радости кровавого самодержца. Алексей поправился и убийц анафеме не предал. И те, кто на мосту стоял, глаза на кровавое побоище, как в цирке, и те, кто не стоял, зажили новой жизнью, но уже без Советской власти.

Вся страна разделилась на тех, кто во внутреннем, и тех, кто на внешнем дворе Лефортовской тюрьмы. Даже один мой знакомый, ельциноид, посрамленный жестокостью своих кумиров, воскликнул: «Где же найти честных людей, чтобы осуществились рыночные реформы?!»

Прошедшие годы показывают, что каждый виток «победы» «демократии» сопровождается кладбищенскими делами: все время что-то или кого-то хоронят (то ГКЧП, то компартию, то «Правду», то Советы, а теперь парламент и сотни москвичей). Вот-вот вытащат Ленина и смешают с землей прах красногвардейцев у Кремлевской стены. Хоронят и хоронят. Зато последовательно возрождаются из пепла дворянство, казачество, жандармерия, купечество...

Рабочий класс лишается своей истории, своей литературы, своих достижений, результатов своего труда, своей доли власти, постепенно превращаясь в быдло.

По телевидению прозвучало краткое интервью рабочего-москвича в связи с расстрелом в Останкино и поражением восстания. «Если нужно будет, я повторю все, что было вчера». «Да, но кровь...» – спросил репортер. «Что поделаешь! Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!»

Свидетели и пострадавшие в ходе кровавого побоища ныне разошлись по стране и несут людям страшную правду о злодеянии режима. Они будут свидетельствовать об этом всю свою жизнь, повторяя вслух и про себя: «И вы не смаете всей вашей черной кровью народа праведную кровь».

Но восстание не получило нужного размаха и массовой поддержки, оказалось всего лишь экспромтом сопротивления. Это – осечка в борьбе.

* * *

В Саратове поражение Советской власти в Москве получило отзвук. Оценка – едина: из танков по народу даже Пиночет не стрелял. Ползут опасения о репрессиях.

* * *

Середина октября. Люди меняются. Один из моих пациентов, руководитель автохозяйства, был делегатом XXVIII съезда КПСС в 1990 г. О делегатах тогда много говорили, печатали в газетах их фотографии – лучшие из лучших... Позже он перенес инфаркт миокарда. Восстановился. Нашел «лимоны» для операции на сердце. Окреп и спокойно влился в рынок. А почему бы нет – на бензине сидит. Тут встретил его. В шикарном костюме в новенькой машине ехал в ателье и меня подбросил. Подъехали, он открыл багажник, отобрал большой кусок окорока из множества других и понес закройщику. Уж как тот ползал в ногах, подгоняя ширину брючин... Живет. События в Москве его не волнуют. Делегата последнего партсъезда волнуют ныне исключительно собственное здоровье и выгода.

Вот уже и последний из начальников политотдела, возглавив «Союз офицеров запаса», занялся полезным делом – переучиванием и трудоустройством бывших военных, но от коммунистов обособился. Полезный человек и себя не забывает, в оппозиционности власти его не обвинишь.

В кабинетах многих начальников и чиновников на месте портретов Ленина появляются царские (ельцинские) гербы. Обычно они нависают над головами владельцев офисов, подчеркивая внешние и внутренние признаки их вырождения. Издалека герб поразительно напоминает раздавленную вошь.

Октябрь – ноябрь. Что-то большее, чем расстояние и время, сдерживает желание писать. Какое-то обледенение души, скованность, отсутствие чистого воздуха. Особенно сейчас – после подавления народного восстания. Его преждевременность была четко рассчитана, навязана унижительными условиями жизни. Пар был выпущен до того, как котел закипел. Но и не действовать было нельзя. Время лечит, копит силы. Нужна работа с людьми, терпение и вера.

То, что произошло в течение последнего месяца, при всей трагичности происшедшего, – только верхняя часть айсберга, поверхностный слой процессов. Глубже, у дна социальной жизни, – колоссальные резервы протеста. Тот слой менее подвижен, поднять его сложно, но именно глубинные течения, ухудшение жизни миллионов, продолжив «дискуссию семейных кошельков», сформируют не навязанную, а действительную революционную ситуацию, и нужда и голод сметут самодержавие с парламентом господ. Только достижение критической массы сможет сделать протест победоносным и, как это ни парадоксально, менее кровавым.

Когда говорят о живой крови, крови, пролитой в схватке рабочих с жандармами, забывают о вымирании населения страны, прежде всего трудящихся, – процессе более зловещем, чем естественный экстремизм отчаяния и протеста. Об этой, медленной, смерти народа за счет неродившихся и преждевременно умерших – власти молчат, Растропович не плачет, церковь не ведет панихиду. Вымирание «быдла» планируют, это естественная цена «сингапурского счастья», дорога к которому будет выложена трупами сограждан.

Кем-то верно сказано, что опыт баррикадной борьбы постигли в эти дни сотни тысяч человек и, хотя уличные баррикады разобраны, они переместились в сердца и память людей.

Залпы по людям в Белом доме отбросили заблуждения: происходящее – зримый приход к власти крупной компрадорской буржуазии со всеми ее структурами – силовыми, экономи-

ческими и информационными. «Профессиональные, компетентные, интеллигентные» будут верно служить мафиозной элите, защищенные от народа ОМОНОм.

Объявлено о выборах в новый парламент в декабре. «Голосуй, народ! Выбирай господ!» Выборы не предполагают появления в парламенте рабочих и крестьянских депутатов, то есть не предполагают выбора. Участие в них – в условиях диктатуры буржуазии, – лишено смысла, безнравственно. Чтобы снять очевидность этого, власти могут «допустить» участие в кампании кое-каких левых сил и даже выпуск кое-каких газет (до первого окрика), Отношение к участию в выборах и в референдуме, по новой Конституции, должно быть выверено (нужно же сказать «нет» хотя бы предполагаемой буржуазной конституции). Но это все равно не меняет сути дела: происходящее – поверхностный слой событий, возня игроков (от Собчака до Травкина, от Явлинского до Гайдара, от Горбачева до Бурбулиса) – очередной отвлекающий телесериал. Различий между игроками нет – все на ниточках.

Все проще: станет жизнь легче – вздохнет народ, не понадобится протест. Будет тяжелее – усилится непризнание режима, неповиновение, сопротивление. Будет совсем плохо – народ выделит из себя десятки Анпиловых и сметет не только «Останкино». Так будет, потому что жадный платит дважды. Друг мой, выключи радио, приложи ухо к земле. Слышишь, как гудит!

Нужно жить интересами людей труда, нужно сохранить свою душу от растрепания, нужно сберечь память свою и отцов, нужно объединиться, вырастить и сберечь лучших, способных к активной борьбе.

В конце октября схвачен Анпилов и посажен в «Лефортово».

26 ноября. Письмо сотрудницы Музея В. И. Ленина В.И.Буровой.

«16 ноября мы были открыты последний день. Здание музея перешло к городской Думе, а служебные помещения – Государственному историческому музею. Что же касается коллектива, то он в подвешенном состоянии – кто-то будет работать в Историческом музее, кто-то еще как-то трудоустроен, пенсионеры пойдут на пенсию. В письме Вы пожелали нам устойчивости и... пластичности. Наверное, два года мы и жили по этому принципу. Кое-кто нас даже упрекает за то, что мы были слишком «пластичны», и поэтому с нами перестали считаться. Но я думаю, что это не так. Всё и сложнее, и проще одновременно. Конечно, нынешние власти, сделавшие «Выбор», не спросив нас, просто решили: «Хватит в центре Москвы терпеть «очаг коммунистической заразы» (так и сказал один из мэских чиновников). И прикрыли. Грустно. Грустно, что не смогли отстоять – не смогли оправдать надежды наших друзей, которые слали нам теплые, ободряющие письма, выкраивали из своих скромных бюджетов деньги, возможно, отказывая себе, своим детям и внукам.

Грустно, что фактически не было серьезной, решительной поддержки рабочего класса. Да и сейчас, после этих трагических октябрьских событий, тоже, в общем-то, промолчали... Конечно, будем надеяться, что прозрение придет, но когда?

Сегодня получила стихотворение от одного молодого поэта из Томска. Он его назвал «Выбор».

От радио дыбом кожа: в Москве пулеметчик строчит...
И свино-совиная рожа нам что-то с экрана мычит.
Цинично, без тени сомнений – позором покрыв себя —
Стреляли, как на ученьях, из пушек в отцов сыновья.
Мне стыдно за Родину нашу, обидно за славу отцов
И гадко в душе, и страшно от умных речей подлецов!
Сегодня они в ударе и снова на выборы прут.
Очухавшись, эти бары всю власть под себя подомнут.
Твердят о каком-то выборе, давно его сделав за нас,
Забыв, как однажды их выдворил прозревший рабочий класс.

Режимы будут меняться, похоже, еще много раз,
И будут над нами смеяться вожди элитарных «масс»...
Все точно рассчитано ими. Но вот что тревожит меня:
Прольют свою кровь за режимы не раз и не их сыновья!
Устали мы все от насилий, от цен, нищеты, разных бед.
А жребий уж выпал России – красный, кровавый цвет.

По-видимому, автор имеет в виду кровь, которая еще прольется».

* * *

Декабрь. Рассказы братьев, как очевидцев и участников событий в Белом доме, потрясают. Те, кого не убили, сплотились.

* * *

Референдум по Конституции, которую старательно склотили под Ельцина Шахрай и Жириновский, был сфабрикован, а результаты его оказались неубедительными и подтасованными. Мотив у ее авторов простой: лучше какой-то порядок, чем никакой. А Советскую Конституцию Слободкина отбросили. Выборы в парламент дали коммунистам легальную возможность использовать трибуну в своих интересах, но и... позволили власти отвлечь народ от уличной борьбы. Родился парламентаризм как альтернатива Советской власти и началось приручение (озюганивание) партии и масс и их дрейф к мирному сосуществованию с буржуазной властью (к социал-демократизму).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.